

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

«ПОЭЗИЯ КАК СЕСТРА МОЛИТВЫ»: КОНЦЕПЦИЯ ИСКУССТВА В «СВЯТОЙ ПРОЗЕ» В. А. ЖУКОВСКОГО

Юрий Геннадиевич Воробьёв

студент магистратуры Московской духовной академии,
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
tov-nd@mail.ru

Для цитирования: Воробьёв Ю. Г. «Поэзия как сестра молитвы»: Концепция искусства в «святой прозе» В. А. Жуковского // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 2 (7). С. 32–43. DOI: 10.31802/WI.2022.7.2.003

Аннотация

УДК 82.091

В статье рассматриваются концепция искусства и философия поэтического слова, представленные в прозе В. А. Жуковского 1840-х гг., которую он сам называл «святой». Тематический диапазон «святой прозы» довольно широк и отражает наиболее значимые для В. А. Жуковского идеи, связанные с его «христианской философией». Важное место занимают в ней вопросы о соотношении искусства и религии, о природе творческого вдохновения, о роли поэта и назначении поэзии, о связи молитвенного и поэтического слова. В «святой прозе» Жуковский рассуждает о поэтическом слове как откровении, пишет о созидательном, сакральном значении слова поэта, которое является инструментом для преображения внутреннего мира человека (и автора, и читателя). Исследование корпуса прозаических текстов Жуковского 1840-х гг., в том числе его писем и дневниковых записей, позволяет сделать вывод, что взгляды поэта на предназначение искусства и сущность поэтического языка определяются христианским учением о человеке, а также содержат элементы романтической концепции творца и творчества, связанные с представлением о трансцендентной природе художественного акта.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, «святая проза», слово, вера, поэт, Евангелие, откровение, художник, творческий акт, поэзия, поэтическое слово.

Poetry as a Sister of Prayer The Concept of Art in «Holy Prose» by V. A. Zhukovsky

Yurii G. Vorobyov

Student of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

tov-nd@mail.ru

For citation: Vorobyov, Yurii G. "Poetry as a Sister of Prayer (the Concept of Art in "Holy Prose" by V. A. Zhukovsky". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 2 (7), 2022, pp. 32–43 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2022.7.2.003

Abstract. The article examines the concept of art and the philosophy of the poetic word presented in the prose of V. A. Zhukovsky in the 1840s, which he himself called «saint». The thematic range of «holy prose» is quite wide, it reflects the most significant for V. A. Zhukovsky's ideas related to his «Christian philosophy». An important place in it is occupied by questions about the relationship between art and religion, about the nature of creative inspiration, about the role of the poet and the purpose of poetry, about the connection between the prayer and poetic words. In «holy prose» Zhukovsky discusses the poetic word as a revelation, writes about the creative, sacred meaning of the poet's word, which is a tool for transforming the inner world of a person (both the author and the reader). The study of Zhukovsky's prose texts of the 1840s, including his letters and diary entries, allows us to conclude that the poet's views on the purpose of art and the essence of poetic language are determined by the Christian doctrine of man, and also contain elements of the romantic concept of the creator and creativity, related to the idea of the transcendental nature of the creative act.

Keywords: V. A. Zhukovsky, «saint prose» art, word, faith, poet, Gospel, revelation, artist, creative act, poetry, poetic word.

С самого начала творческого пути В. А. Жуковского волновала проблема изображения «внутренней жизни» и личности человека в искусстве. Чтение трудов западных философов, а позднее святоотеческих сочинений, открыло поэту противоречивость и сложность человеческой личности, которая обладает возможностью нравственного выбора.

В отрывке 1840-х годов «Философический язык» В. А. Жуковский, сравнивая процесс рождения слова с рождением младенца, пишет: «В минуту рождения каждой мысли, по какому-то духовному средству, проявляется вместе с нею и соответствующее ей умственное слово. Но это происходит не нашею волею; наш разум чувствует муку родов, но ни зачатие, ни рождение мысли от нас не зависит. Мы можем только слышать первый крик новорождённого младенца, то есть схватывать проявление мысли в духовном, внутреннем слове, и в соединении этого внутреннего слова с выражающим его звучным»¹. Поэт находит удовольствие в описании рождения слова, ассоциативного по своей природе и глубоко символичного. Данный аналитико-поэтический фрагмент отражает и характерные черты стиля Жуковского, и один из лейтмотивов его творчества, связанный с поиском секрета выражения «невыразимого».

Ещё в юности В. А. Жуковский стремился обрести веру, чтобы она стала основой всей его жизни и творчества. В период своих романтических манифестов (1810–1820-е годы) В. А. Жуковский отождествляет философию искусства и философию веры. Для В. А. Жуковского вера осмысливается как поиск внутренней красоты и гармонии. В дневнике 1817 года он пишет: «Чистое счастье делает религиозным. Всё прекрасное родня. Каждое прекрасное чувство всё оживляет в душе: дружбу, поэзию; и всё это сливается в одно: Бог. Я бы каждое прекрасное чувство назвал Богом. Оно есть Его видимый, или слышимый, или чувствуемый образ»². В статье 1821 года «Рафаэлева “Мадонна”» поэт говорит об искусстве как откровении в душе человеческой, которое направляет личность: «И в самом деле надобно быть или безрассудным, или просто механическим маляром без души, чтобы осмелиться списывать

1 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (первый полутом): Проза 1810–1840-х гг. / ред. А. С. Янушкевич. М., 2016. С. 453.

2 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804–1833 гг. / сост., ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 124.

эту Мадонну: один раз душе человеческой было подобное откровение: дважды случиться оно не может»³.

Для поздней прозы В. А. Жуковского важным ориентиром становится Евангелие, через которое поэт слышит голос Спасителя: «Пока мы сами ещё не испытали никакой болезненной утраты, мы с умилением слушаем голос Спасителя, исходящий нам из Евангелия, и можем мыслию постигать великое значение человеческой жизни»⁴. В. А. Жуковский считает эту книгу самой главной для человека, потому что в ней описана жизнь Христа, потому что она даёт человеку веру и надежду и помогает не впасть в уныние и отчаяние. Человек должен раскрыть свою душу Богу, и в этом ему помогает Евангелие. В Слове Божиим человек может найти утешение и силу. Поэт связывает Слово Божие и слово поэтическое, видя между ними определённую схожесть. Главным звеном становится Откровение. В. А. Жуковский считает, что слово поэта в результате творческих исканий исходит извне. В отрывке «Философический язык» Слово определяется как откровение, оно состоит из двух составляющих: внутренней духовной, исходящей от человека, и внешней — исходящей от Бога. Только в соединении их рождается ясная мысль «родства, от совпадаемости слова звучного со словом духовным»⁵.

Для земного человека полнота соединения души с Богом возможна, считает В. А. Жуковский, через искусство. Вера в Бога даёт человеку состояние душевного покоя, полной гармонии, умиротворения: «Состояние души в присутствии Бога и её с Ним соединение есть сладчайшее чувство нашего частного бытия... В этом чувстве нет ничего ни внешнего, предметного (*objectif*), ибо его предмет не извне на нас действует, ни личного (*subjectif*), ибо мы сами для себя в нём исчезаем; в нём соединяется и то и другое в какой-то необъяснимой для нас неопределённости, в какой-то неограниченной полноте, ясное, но вместе и непостижимое и невыразимое»⁶. Эти мимолётные состояния преобразования души приближают нас к Спасителю.

Веру и искусство В. А. Жуковский сближает на том основании, что через них в человеке может возродиться Божественное состояние

3 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 12: Эстетика и критика / ред. А. С. Янушкевич, О. Б. Лебедева. М., 2012. С. 345.

4 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 11 (первый полутом): Проза 1810–1840-х гг. / ред. А. С. Янушкевич. М., 2016. С. 372.

5 Там же. С. 453.

6 Там же. С. 386.

духа. Мысли о вере постепенно переходят в идею воссоздания бытийного единства, которое становится возможно благодаря тому, что художник — это Богом избранная личность, а его творческий акт схож с Божественным Откровением и Творением: «Искусство — поэзия в разных формах; источник искусства — творческая сила человека, посредством которой он посреди творения Божия другими средствами творит то же, что в глазах его сотворено природою. Его материалы для творения суть: слово, звук, краска, твёрдая материя. Цель искусства — не иное что, как самое сие создание, которое в то же время должно быть и создание изящное, то есть пробуждающее в душе сладостное ощущение красоты»⁷.

Для В. А. Жуковского проблема истины в отношении к искусству трактуется так: «Красота в тесном смысле есть истина, то есть верное сходство изображения с изображаемым; в обширном смысле красота есть истина идеальная, то есть не одно ощутительное сходство выражения с выражаемым, но и соединение с ним того, что неощутительно, что единственно существует в душе человеческой, постигающей нечто высшее, вне видимой материальной природы существующее и свойственное её божественной природе»⁸. Эту идею об универсальности и символичности слова художественного поэт повторяет многократно.

В. А. Жуковский в этом смысле солидарен с Н. В. Гоголем, который смотрит на искусство как на созидательную силу в жизни человека и общества: «Мы на земле, в кругу созданий Божиих, на том месте, которое Им Самим нам указано, — следовательно, наше земное дело определено Им Самим; к такому назначению мы не можем и не должны быть равнодушны, ибо именно в том и состоит наша любовь к Создателю»⁹. Н. В. Гоголь в письме от 29 декабря 1847 года пишет: «Искусство не разрушение. В искусстве таятся семена создания, а не разрушенья»¹⁰. Искусство вносит стройность в порядок в обществе. Так же, как религия, искусство помогает жить на Земле. В. А. Жуковскому это очень импонировало, и он отвечал Н. В. Гоголю: «Так прекрасно и справедливо сказал ты в письме своём, назвав искусство «примирением с жизнью»¹¹. Для В. А. Жуковского самое главное предназначение поэзии состоит в проявлении святости жизни.

7 Там же. С. 463.

8 Там же. С. 463.

9 Там же. С. 389.

10 *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л, 1952. С. 437.

11 *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 12: Эстетика и критика. С. 380.

В статье «О поэте и современном его значении» В. А. Жуковский раскрывает божественное происхождение поэзии, где поэт, подобно Христу, становится посланником, посредником, который «ищет, находит и открывает другим повсеместное присутствие духа Божия. Таков истинный смысл его призвания, его великого дара...»¹².

«Поэт творит словом, и это творческое слово, вызванное вдохновением из идеи, могущественно владевшей душою поэта, стремительно переходя в другую душу, производит в ней такое же вдохновение и её также могущественно объемлет; это действие не есть ни умственное, ни нравственное — оно просто власть, которой мы ни силою воли, ни силою рассудка отразить не можем... Это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое действие откровенной красоты, которая всю душу охватывает и в ней оставляет следы неизгладимые»¹³. Поэтическое слово воздействует на читателя своей сакральностью: «мы можем дать себе отчёт в том, что нас увлекает, можем указать на возвышенность или приятность содержания, на точность, живость, необыкновенность выражения, на музыку слов; но то, что безотчётно и неуловимо и что, однако, всему этому даёт жизнь, это есть дух поэта, в создании его тайно сопричастный!»¹⁴. Для В. А. Жуковского поэтическое слово — это отрывок чего-то недостижимого, Логоса, Слова Божия, которое поэт сравнивает с неповторимой музыкальной красотой.

Первые стихи Евангелия от Иоанна В. А. Жуковский соотносит с проблемой поэтического Слова. В своём переводе Нового Завета В. А. Жуковский в полной мере выражает своё отношение к понятию Слова — Логоса. Ещё С. С. Аверинцев писал, что первые стихи «В начале было Слово» в Евангелие от Иоанна, как будто являются аналогом слов о сотворении мира «В начале сотворил Бог небо и землю» книги «Бытия» Ветхого завета. Через это подчёркивается созидательное, универсальное, сакральное значение Слова, которое является основным орудием для преобразования внутреннего мира человека. Первые дошедшие до нас архивные материалы, относящиеся к переводу В. А. Жуковским Священного Писания, начинаются разделом «О слове жизни», в котором для поэта содержатся «все возможные утешения, данные наперёд человеку на все беды житейские»¹⁵.

12 Анисимова Е. Е. Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Автореферат дис. д-ра филол. наук. Томск, 2016. С. 13.

13 Там же. С. 377.

14 Там же. С. 378.

15 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 11: Проза 1810–1840-х гг. С. 435.

В статье «Две сцены из “Фауста”» В. А. Жуковский противопоставляет свою позицию концепции И. Гёте. Открывает статью чёткая классификация «своего и чужого». Поэт высказывает свои мысли по поводу перевода Фаустом слов евангелиста Иоанна Богослова «В начале было Слово». Все предложенные варианты не устраивают В. А. Жуковского, потому что только евангелист Иоанн в первых стихах смог передать всю полноту Создателя Бога, существующего вне времени и вечности. В. А. Жуковский делает первый стих из Евангелия предметом специального обсуждения. Он толкует его так: «Слово Божие, напротив, есть Бог — и Бог как творец и Бог как творение, от века бывшее в Боге и с Богом, из воли его истекшее и в нем заключённое, но с ним неслиянное и с ним не тождественное, имевшее начало, ибо оно творение, и безначальное, ибо оно есть непосредственное Божие творение, а Бог действует в вечности, в которой было, есть и будет — одно и то же»¹⁶. Для поэта здесь заключена суть концепции слова и его перевода. Говоря о двойственной символической роли евангельского Слова, В. А. Жуковский настаивает на его Божественной сущности: «и все это совокупно заключается в выражении евангелиста: слово, в котором три понятия: мысль, форма мысли и выражение мысли соединяются в одно. Слово (в смысле Иоанна) принадлежит только Богу; человеку оно недоступно; он только имеет слова, которые суть не иное что, как атомы всеобъемлющего Божия слова. Из сего следует, что слово Божие — сам Бог и его истина — не может быть выражено словами человеческими»¹⁷. Все это связано с эстетикой «невыразимого», которое в сознании В. А. Жуковского обрело Евангельский, сакральный смысл.

Перевод Фауста — неверный, чужой, он несравним с Евангельским текстом от Иоанна, истинным, сакральным, который является единственно правильным для человека, несущим ему спасение. Фауст пытается по-своему интерпретировать евангельский текст, показывая этим, насколько он необъятен и непостижим: «Неудачная попытка Фауста, — отмечает В. А. Жуковский, — исправить евангельское выражение служит только к тому, чтобы показать, сколь оно всеобъятно»¹⁸. Размышление о фаустовском переводе В. А. Жуковский органично облекает в свою эстетическую программу, в центре которой оказывается проблема слова. Поэт, обращаясь к структуре слова и его внутренней сути, задаётся вопросом о соотношении Слова Божьего и слова человеческого. Затрагивая

16 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 12: Эстетика и критика. С. 394.

17 Там же. С. 394.

18 Там же. С. 394.

проблему «невыразимого», В. А. Жуковский видит её суть в невозможности человеческого слова вместить и познать всю полноту Создателя.

В. А. Жуковский пишет о слове: «Слово человеческое рождается вместе с мыслью, мало-помалу развивается, приобретает более и более определённую духовную форму и наконец, чтобы перейти в действие внешнее, в сообщение, из духовного образа переоблачается в образ материальный, в звук; во всём этом есть начало, развитие, постепенность; здесь виден характер ограниченного, временного, человеческого»¹⁹. Человеческое слово только в минуты откровения безгранично раскрывается и расширяется до бесконечности, это происходит в моменты, когда человек может уподобиться Творцу. Слово художника рассматривается в свете Слова Божия, и художник признается посланником Бога. В статье «О поэте и современном его значении» В. А. Жуковский пишет: «Если таково действие поэзии, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, как призвание от Бога, есть, так сказать, вызов от Создателя вступить с Ним в товарищество создания. Творец вложил свой дух в творение: поэт, его посланник, ищет, находит и открывает другим повсеместное присутствие духа Божия»²⁰. В. А. Жуковский ставит в один ряд художника земного и небесного, так как они оба творят с помощью слова. Слово становится материальной одеждой духовного тела и духовной мысли. Поэт в этой статье высказывает идею о сакральной природе слова и всего словесного искусства. Н. В. Гоголь также писал об этом в своей статье «О том, что такое слово»: «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку»²¹.

С верою в Бога произнесённое слово художника, отмечает В. А. Жуковский в статье «Две сцены из Фауста», несёт в себе утешение и спасение. Слово является «прямым радиусом, исходящим из средоточия того круга, которого центр, по словам Паскаля, везде, а окружность нигде»²². Те же мысли поэт выражает в статье «О поэте и современном его значении»: «Поэзия, действуя на душу, не даёт ей ничего определённого: это не есть ни приобретение какой-нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбуждение нравственного чувства, ни его утверждение положительным правилом; нет! — это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое действие откровенной красоты, которая всю душу охватывает и в ней оставляет следы неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству

19 Там же. С. 394.

20 Там же. С. 377.

21 Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. С. 230.

22 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 12: Эстетика и критика. С. 394.

художественного произведения, или, вернее, смотря по духу самого художника»²³. В статье «О молитве» поэт говорит о молитвенном слове, которое близко слову художника: «При таком признании бытия Божия, которое есть в то же время и откровение, все для нашей ограниченности, несогласимые противоречия исчезают; ум останавливается перед указанными ему границами, признает неотрицаемость истин, одна другую исключаящих, и смиренно передаёт вере их согласование, силе его неподвластное»²⁴. Неслучайно в статье «О молитве» возникает образ младенца, который символизирует, с одной стороны, чистоту творческой свободы писателя, с другой — абсолютную покорность воле Божьей верующего человека.

В. А. Жуковский считает, что живущий с Богом в душе поэт через своё слово преображает своё внутреннее состояние, вверяет себя воле Божьей, смиряется. Для В. А. Жуковского творчество — это акт самосовершенствования, самоотвержения, самостроения. Человеческое слово поэта приближает человека к Богу, открывает тайные движения души и порывы, показывает истины и ценности; поэтическое слово обладает глубиной, неисчерпаемостью, эмоционально-психологическим зарядом.

В. А. Жуковский в статье «О поэте и современном его значении» (1842) пишет об искусстве как источнике, возбуждающем стремление человека к прекрасному. Искусство действует на душу «не одним присутственным настоящим, но и неясным, в одно мгновение слиянным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием лучшего в будущем»²⁵. Поэт видит смысл и значение искусства в познании истины. В данной статье В. А. Жуковский рассуждает о сути прекрасного: «Я позволяю себе здесь повторить то, что было мною сказано в другом месте: “Руссо говорит: Il n’y a de beau que ce qui n’est pas — прекрасно только то, чего нет”. Это не значит: только то, что не существует; прекрасное существует, но его нет, ибо оно, так сказать, нам является единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы нам сказаться, оживить, обновить душу, но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем; оно не имеет ни имени, ни образа; оно посещает нас в лучшие минуты жизни»²⁶. Впервые поэт написал эти слова 16 февраля 1821 года в начале стиха «Лалла Рук». Зрелый поэт по-прежнему убеждён в том, что в земной жизни прекрасное мимолётно и неустойчиво: «прекрасное здесь не дома, что оно только мимопрелетающий благовеститель лучшего; оно есть восхитительная тоска по отчизне,

23 Там же. С. 377.

24 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 11: Проза 1810–1840-х гг. С. 375.

25 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 12: Эстетика и критика. С. 374–375.

26 Там же. С. 374.

тёмная память об утраченном, искомом и со временем достижимом Эдеме»²⁷. В. А. Жуковский пишет о красоте как о «слышании душою Бога». Только в духовном соединении человека с Творцом возможно поэтическое творчество и осуществление своего призвания.

Во второй части статьи «Две сцены из Фауста» В. А. Жуковский пишет по поводу иллюстраций, сделанных М. Ретчем и одним из любимых художников В. А. Жуковского — П. Корнелиусом. В отличие от Ретча, который не выходит за границу земного, в рисунках П. Корнелиуса есть высшая истина. Искусство даёт человеку ощутить проистекающую от Создателя целостность бытия. Искусство, красота, по мнению В. А. Жуковского, посещая земную жизнь человека, являются плодом откровения: «утешительно сияет нам издали и некоторым образом сближает нас с тем небом, с которого неподвижно нам светит!»²⁸. Н. В. Гоголь в письме к В. А. Жуковскому от 29 декабря 1847 г. пишет о созидательной силе искусства: «Что пользы поразить позорного и порочного, выставя его на вид всем, если не ясен в тебе самом идеал ему противоположного прекрасного человека? Как выставлять недостатки и не достоинство человеческое, если не задал самому себе вопроса: в чем же достоинство человека? И не дал на это себе сколько-нибудь удовлетворительного ответа <...> искусство не разрушение. В искусстве таятся семена создания»²⁹.

В. А. Жуковский, рассматривая рисунки П. Корнелиуса, в которых присутствует «высшая идеальная истина», обращается к сложной проблеме взаимодействия разных видов искусства. Его интересует вопрос о переводе живописи на поэтический язык. Поэт пытается пересказать литературным языком то, что пытались выразить в своих рисунках М. Ретч и П. Корнелиус, подчёркивая глубокий психологизм художников. Поэт уделяет внимание психологическим деталям рисунков: удивленные глаза Фауста на месте казни Маргариты, попытка удержать коня, подаренного Мефистофелем, который надсмехается над своим спутником. Но каждый иллюстратор, считает В. А. Жуковский, не избежал одной и той же ошибки в интерпретации трагедии И. Гёте.

В. А. Жуковский, воспитанный в духе романтического искусства, для которого «художество в обширном, высшем значении имеет предметом красоту высшую», вместе с тем пишет: «Переводя на своё второбытное создание то, что он находит вокруг себя в создании первобытном,

27 Там же. С. 374.

28 Там же. С. 375.

29 *Гоголь Н. В.* Переписка: в 2 т. / вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова, М. Н. Виролайнен. Т. 1. М., 1988. С. 214.

художник, повторяю, должен выражать не одну собственную, человеческую идею, не одну свою душу, но в ней и идею Создателя, дух Божий, все созданное проникающий»³⁰.

Поэт утверждал, что личность поэта должна быть безупречна в своей этической чистоте. Только духовная чистота художника может дать ему право в изображении разного рода пороков и нечистоты: «С благодарностью сердца укажу на нашего современника Вальтера Скотта. Поэт в прямом значении сего звания, он будет жить во все времена благодетелем души человеческой. Какой разнообразный мир обхвачен его гением! Он до всего коснулся, от самого низкого и безобразного до самого возвышенного и божественного, и все изобразил с простодушной верностью, нигде не нарушил с намерением истины, нигде не оскорбил красоты, во всем удовлетворил требованиям искусства»³¹. Для В. А. Жуковского кроме В. Скота таким писателем был Н. М. Карамзин.

В свои последние годы поэт чувствовал нарастающую боль в связи с тем, что современная действительность уводит искусство от его предназначения. Отвечая Н. В. Гоголю, он пишет: «справедливо сказал ты в письме своём, назвав искусство примирением с жизнью, спрашиваю: поэзия в наше время соответствует ли этому определению? Нет! Поэзия нашего времени имеет и весь его характер — характер вулканической разрушительности в корифеях и материальной плоскости в их последователях»³². В. А. Жуковский чувствовал ностальгию по той поэзии, которая была для него примером, величием и красотой жизни.

Свою статью «О поэте и современном его значении» поэт заканчивает стихами из своей драматической поэмы «Камоэнс» (1839):

«И сторожем нетленной той завесы,
Которую пред нами горний мир
Задёрнут, чтоб порой для смертных глаз
Её приподымать и святость жизни
Являть во всей красе её небесной, —
Вот долг поэта, вот мое призванье!»³³.

Таким образом, лейтмотивом «святой прозы» В. А. Жуковского 1840-х годов, представляющей собой статьи и фрагменты религиозно-философского содержания, являются вопросы о соотношении

30 Там же. С. 376.

31 Там же. С. 379.

32 Там же. С. 380.

33 Там же. С. 381.

искусства и религии, философии и веры, о природе поэтического вдохновения и поэтического слова, о роли поэта и назначении поэзии. Этот круг вопросов объясняет активное присутствие в прозе В. А. Жуковского библейского текста: новозаветных образов, мотивов, аллюзий. Концепция искусства и философия языка В. А. Жуковского, получившие последовательное выражение в статьях «О поэте и современном его значении», «Слова поэта — дела поэта», «Философический язык» и др., определяются христианским учением о человеке, а также содержат элементы романтической концепции творца и творчества, связанные с представлением о трансцендентной природе творческого акта.

Источники

- Гоголь Н. В.* Переписка: в 2 т. / вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова, М. Н. Виролайнен. Т. 1. М.: Художественная литература, 1988.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1952.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (первый полутом): Проза 1810–1840-х гг. / ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 2016.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 12: Эстетика и критика / ред. А. С. Янушкевич, О. Б. Лебедева. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804–1833 гг. / сост., ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 2004.

Литература

- Анисимова Е. Е.* Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Автореферат дис. д-ра филол. наук. Томск, 2016.
- Айзикова И. А.* Евангельские идеи, мотивы, образы в «Святой прозе» В. А. Жуковского. Томск, 2008.
- Айзикова И. А.* Проблемы философии, искусства и веры в поздней прозе В. А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских Чтений. Новосибирск, 2006.
- Долгушин Д., священник.* В. А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени. Диссертация на соискание ученой степени доктора филол. наук. Томск; Новосибирск: Изд. Томского университета, 2019.
- Канунова Ф. З., Айзикова И. А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.